

На правах рукописи

Рахмонова Нушофарин Бадалбековна

**ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «СВАДЬБА» В ТАДЖИКСКОМ И
ПАМИРСКИХ ЯЗЫКАХ
(на материале прецедентных текстов)**

**Специальность: 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание**

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Душанбе – 2019

Работа выполнена на кафедре теоретического и прикладного языкознания Межгосударственного образовательного учреждения высшего образования «Российско-Таджикский (Славянский) университет»

Научный руководитель: **Искандарова Дилоро Мукаддасовна**
доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретического и прикладного языкознания Межгосударственного образовательного учреждения высшего образования «Российско-Таджикский (Славянский) университет»

Официальные оппоненты: **Балхова Светлана Якубовна**
доктор филологических наук, профессор, преподаватель кафедры лингвистики Филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе

Матроров Саодатшо Косимович -
кандидат филологических наук, доцент, зам. председателя Комитета по языку и терминологии при Правительстве Республики Таджикистан

Ведущая организация: Таджикский государственный институт языков имени Сотима Улугзода.

Защита диссертации состоится «16» октября 2019 года в 14⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 737.011.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Межгосударственном образовательном учреждении высшего образования «Российско-Таджикский (Славянский) университет» по адресу: 734025, г. Душанбе, ул. Мирзо Турсунзаде, 30.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Российско-Таджикского (Славянского) университета (<http://www.rtsu.tj>)

Автореферат разослан « ____ » _____ 2019г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Аминов Азим Садыкович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Традиции, обычаи, обряды, их символика и семантика и другие морфологические признаки входят в разряд уникальных, ярчайших страниц истории, культуры любого народа. Однако в современном мире в условиях глобализации и беспрецедентного расширения культурных, экономических, политических, образовательных связей наблюдается ассимиляция, а затем, как правило, полное исчезновение традиций и обрядов, которые на протяжении веков оставались свидетельством национальной идентичности и неповторимой самобытности народа.

В последние годы не только отечественное, но и мировое научное сообщество обеспокоено фактом исчезновения целого ряда традиционных таджикских и памирских ритуалов и обрядов, с их исключительными символами, сакральными смыслами, семантикой и, естественно, связанной с ними терминологией. Ввиду высокой степени активности процессов деритуализации (полного или частичного отказа от проведения ритуалов) и десакрализации (отхождение (иногда полное) от религиозного культа) вопрос о сбережении в целостности традиционной обрядности в иерархичной форме вызывает серьезную обеспокоенность экспертного сообщества. В этом контексте все заявления о важности сохранения терминологии и лексики имеют достаточно серьезную аргументацию [14;211].

Прогресс повлек за собой утрату самобытности большинства этносов. Возникшее лишь в конце XX – начале XXI в. стремление к самопознанию подвигло этнические группы, сообщества сфокусироваться на исследовании своей традиционной культуры, в частности обрядности. В контексте гипотезы о том, что в эпицентре изысканий по различным аспектам этнолингвистики находятся культурные, народно-психологические и мифологические представления и переживания, отражающиеся в языке, нами была предпринята попытка реконструировать комплекс свадебной обрядности таджиков и памирцев, её лексику, терминологию, семантику и символику.

Повсеместная интеграция, разноаспектное влияние медиа-среды, стремительное развитие информационных технологий, расширяющиеся взаимоотношения между населением горных районов на порядок усложняют процесс изучения лексики свадебной обрядности таджикского и шугнано-рушанской группы памирских языков. В результате плотного, динамичного пограничного трафика через территорию Бадахшана, констатируется факт стремительного исчезновения огромного числа номинативных единиц этих языков.

Вышесказанное в достаточной степени отражает важность изучения лингвокультурного концепта «Свадьба», однако более лаконично актуальность темы может быть представлена отдельными, принципиальными для настоящего исследования, факторами. Так, лингвокультурное описание языка на сегодняшний день входит в число активно развивающихся направлений языкознания, в рамках которых констатируется интеграция и синтез достижений таких областей, как когнитивная лингвистика, сопоставительная

семантика, лингвострановедение, и, естественно, смежных с языкознанием наук – психологии, философии, культурологии.

Ученые отмечают принципиальность наличия такого феномена как семейно-бытовая обрядность, поскольку именно она регламентирует практически все периоды жизни человека - его рождение, взросление, вступление в брак и т.д. Для каждого этапа характерны свои уникальные традиции, обряды, корни которых уходят вглубь веков. Одним из знаковых для каждого человека (независимо от его возраста, пола, расовой, религиозной принадлежности и других социальных и личностных характеристик) событий считается свадьба, и носители таджикского и памирских языков не являются исключением. Вступление в брак, и все предвосхищающие, сопутствующие и продолжающие брачную церемонию процессы являются совокупностью разнородных по содержанию и происхождению действий. Эти мероприятия носят ярко выраженную этническую окраску, подразумевают присутствие определённой символики, которая отражает этнические, эстетические, социально- мировоззренческие и даже правовые нормы народа в контексте семейных отношений. Данная категория норм, которая отражает жизнь народа во всей её сложности, координирует не только действия лиц, вступающих в брак, но и тех, кто имеет к этому процессу непосредственное отношение.

Несмотря на многоплановость и разноаспектность этого социального феномена, концепт «Свадьба» до сих пор не становился предметом изучения в рамках этнолингвокультурологии. Свадебная обрядовая терминология и лексика таджикского и памирских языков остается вне фокуса внимания научного сообщества; лексемы, или как их называют в лингвистике "самостоятельные смысловые единицы", входящие в персональный, предметный, акциональный и другие коды, фактически не подвергались рассмотрению и структурированию, хотя необходимость их системного описания и анализа, равно как и фиксация очевидна. Ведь именно этот комплекс мер поможет сохранить языковую идентичность свадебного обрядового текста носителей таджикского и памирских языков.

Объект исследования представляет лингвокультурный концепт «Свадьба», чья репрезентация осуществляется лингвистическими средствами таджикского и памирских языков.

Предметом исследования являются общие и дифференциальные признаки лексической реализации концепта «Свадьба» в таджикском и памирских языках.

Гипотеза работы заключается в определенном диахронном срезе: концепт «Свадьба» является комплексным явлением, которое находит всевозможные способы языковой репрезентации;

Структура этого концепта, как правило, четко определена и в языковом сознании исследуемых культур отмечается ее частичное совпадение. Допускается возможность присутствия специфических и, одновременно, универсальных особенностей оценки дружбы, объективно идентифицировать которые представляется возможным благодаря скрупулёзному лингвистическому анализу.

Методологической базой работы послужили основные, фундаментальные положения теории языка, лингвокультурологии, этнолингвистики и общего языкознания (Э. Бенвенист, В. Гумбольдт, Э. Сепир, Б. Уорф), когнитивистики (И.А. Стернин, А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, З.Д. Попова), лингвоконцептологии (Г. Г. Слышкин, Д. С. Лихачев, Н. А. Красавский, Ю. С. Степанов, В. И. Карасик, С. Г. Воркачев, С. Х. Ляпин, В. И. Шаховский и др.), концепции «языковой картины мира» и «языкового сознания» (А. Вежбицкая, В. Н. Телия, Г. В. Колшанский, Н.Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, Ю. Д. Апресян), теории межкультурной коммуникации и лингвокультурологии (В.Н. Телия, В.Б. Кашкин, В.А. Маслова, О.А. Леонтович, С.Г. Тер-Минасова В.В. Воробьев).

Цель диссертационной работы заключается в исследовании лексического, фразеологического, паремиологического фондов языков, а также анализе результатов ассоциативного эксперимента по репрезентации концепта «свадьба» носителями таджикского и шугнано-рушанских языков.

Цель исследования предполагает **решение следующих задач:**

- 1) Провести лексикографический анализ концепта «Свадьба» на материале толковых, этимологических, фразеологических, синонимических словарей таджикского и шугнано-рушанских языков;
- 2) Рассмотреть и проанализировать фразеологизмы, в которых отражается концепт «Свадьба», выявить национально-специфические особенности в сопоставляемых языках;
- 3) Провести свободный ассоциативный эксперимент среди носителей таджикского и шугнано-рушанской группы языков с целью определения признаков и содержания концепта и выявления особенностей языкового сознания и ментального лексикона;
- 4) Отразить лексику прецедентных текстов, в том числе, свадебного обрядового текста в составе песен и стихотворений;
- 5) Определить тип символики обрядовой терминологии и ее функциональные характеристики в ритуальных текстах;
- 6) Выявить в сопоставляемых языках алломорфные и изоморфные свойства компонентов концепта «Свадьба».

Цель и задачи настоящей работы обусловили структуру работы и выбор таких **методов анализа, как** ассоциативный, метод компонентного анализа, элементы количественного анализа, описательный и интерпретационный методы, а также сопоставительный метод, определяющий сходства и различия вербализации концепта «Свадьба» в таджикском и шугнано-рушанских языках.

Исследование концепта на всех четырех уровнях (понятийном, значимостном, ценностном, образном) дает возможность провести полноценное, во всех смыслах, изыскание. Комплекс семантических признаков, образующих так называемый «эталон сравнения», формируется при их непосредственном сопоставлении. Эти отличительные особенности (т.е. признаки) подвергаются упорядочиванию как иерархическому, так и количественному, что, в последующем, предполагает идентификацию

концептообразующих критериев, которые, в свою очередь, позволяют в зависимости от области бытования концепта в сознании человека интерпретировать его содержание

Источником языкового **материала исследования** послужили результаты ассоциативного эксперимента, толковые, синонимические, комбинаторные, ассоциативные, фразеологические, этимологические словари, словари-тезаурусы активаторного типа, а также словари пословиц и поговорок.

Научная новизна работы представлена попыткой построения модели лингвокультурного концепта «Свадьба» на базе материалов различных типов дискурса в таджикском и памирских языках, что, на наш субъективный взгляд, создаст платформу для более полноценного парадигматического описания лексической репрезентации этого концепта.

Теоретическую значимость диссертации определяют несколько значимых факторов:

- на фактическом материале доказано, что определенные фрагменты ценностной картины мира отображаются в языке как с позиции соотношения языка и культуры, так и плане эмоций и когниции;

- сущность концепта «Свадьба» нашла свое полное изучение и осмысление;

- проанализированный теоретический и практический материал может стать ресурсной базой при проведении исследований в таких сферах современного языкознания, как лингвокультурология, этнопсихолингвистика, когнитивная лингвистика, социопсихолингвистика и при изысканиях по проблемам национальной специфики концептов, имеющих лингвокультурные особенности; для выявления и изучения характеристик языкового сознания представителей отдельных лингвокультурных групп, а также структурных особенностей сопоставимых сегментов концептосферы конкретного этноса;

- результаты труда отличает перспектива стать предметом научного интереса экспертов, изучающих диады "язык и культура", "язык и мышление", "язык и этнос".

Комбинации этих факторов и каждый в отдельности могут стать средством обогащения комплекса подходов и методов в рамках теоретических изысканий по проблемам современного языкознания.

Факт практической значимости настоящей работы констатируется перспективой использования ее материалов и выводов при дальнейшем изучении вопросов культурной лингвистики, в исследованиях по межкультурной коммуникации, в теории и практике перевода, при разработке тематики курсовых, выпускных квалификационных и магистерских работ. Материалы исследования могут стать полноценным ресурсным началом при написании учебных пособий и/или учебников по психолингвистике, интерпретации текста, общему языкознанию, сопоставительной лингвистике. Также существует перспектива их применения в качестве иллюстративного материала в практике преподавания языка и при чтении лекционных курсов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Обрядовая свадебная лексика таджикского и памирских языков отражает этнокультурную синтагматическую и парадигматическую сущность их носителей и включена в пласт слов, классифицирующийся как обрядовый фольклор.
2. Свадебную обрядовую лексику таджикского и памирских языков, представленную номинациями сакральных, ритуальных и предметов участников церемонии, а также непосредственно обрядовые действия, считают знаковым компонентом языковой картины мира носителей исследуемых языков.
3. Вербальный код текста свадебного обрядового носителей таджикского и памирских языков состоит из свадебных молитв, песнопений, благопожеланий, приговоров, стихотворений.
4. Репрезентация концепта «Свадьба» в сопоставляемых языках показывает различия языковой картины мира, устанавливая специфические особенности в оценке одних и тех же понятий и явлений в разных языках.
5. Свободный ассоциативный эксперимент является инструментом определения значимых элементов и культурных ценностей в таджикском и шугнано-рушанском языках.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования и обобщения по его отдельным главам докладывались и обсуждались на семинарах кафедры по проблемам теоретического и прикладного языкознания (2015-2018); были представлены в качестве докладов на ежегодных заседаниях круглого стола, организованных кафедрой теоретического и прикладного языкознания «Перспективы развития фундаментальных и прикладных лингвистических исследований в РТ» (2015-2017); на семинаре Ismaili Women's Award (Гамбург, Германия, 2018); на международном форуме «Welcome Meeting for DAAD scholarship holders» (Берлин, Германия, 2018).

По теме исследования опубликованы 5 статей, 3 из них в журналах, входящих в обновлённый реестр ВАК РФ. Работа обсуждена на расширенном заседании кафедры теоретического и прикладного языкознания (протокол № 9 от 29 апреля 2019 года) и рекомендована к защите.

Объём и структура работы соответствует целям и задачам исследования. Текст диссертации представлен на 159 страницах компьютерного набора. Исследование состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы, насчитывающего 147 источников, включая словари, и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обоснованы актуальность и новизна исследования; установлен предмет; идентифицирована гипотеза работы; определена методологическая база; указаны цель и задачи; описаны методы исследования материала; выявлена степень научной новизны; отмечена теоретическая и практическая значимость; сформулированы положения, выносимые на защиту;

представлены способы апробации ключевых положений и выводов диссертации.

Первая глава диссертационной работы «**Теоретические предпосылки изучения концепта**» включает семь параграфов, носящих теоретический, обзорный характер. В рамках этих подразделов рассматриваются такие понятия, как языковая картина мира и концепт; изучаются лексическое значение слова и лингвокогнитивный подход к пониманию концепта; помимо этого определяется уникальность феноменов «языковое сознание» и «концепт» как основной единицы лингвокультурологии.

В первом разделе “Понятие «языковая картина мира»” отмечается, что современная лингвистика проявляет большой интерес к проблемам взаимосвязи языка, сознания и культуры. В сфере гуманитарных дисциплин выражением этого стремления к синтезу стала активизация культурологических исследований, т. е. исследований феномена культуры, включающего в себя все многообразие деятельности человека и ее опредмеченных результатов.

Принято различать две картины мира - *языковую и концептуальную*. Языковая картина мира (ЯКМ) – это отражающее значение языковых знаков (то есть языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенных в системных значениях слов информацию о мире) представление о действительности» [22;68]. ЯКМ, с учетом безусловного присутствия вариативной составляющей, представляет собой «рассеянные по всему концептуальному остову сведения, которые принимают непосредственное участие в формировании самих понятий посредством манипулирования в этой ситуации языковыми значениями и их ассоциативными полями. Этот сложный процесс, действительно, обогащает концептуальную систему новейшим содержанием и актуальными языковыми формами, а система эта находится в непрерывной апробации носителями данного языка» [25;177].

Концептуальная картина мира (ККМ), будучи на целый порядок богаче языковой, поскольку активными участниками процесса ее формирования и функционирования являются различные типы мышления. Ученые убеждены, что концептуальная или культурная картина мира - это раздвоившееся мировоззрение, то есть в человеческом сознании образ мира, как правило, создается на основе его духовного и физического опыта [26;47].

В современной лингвистике выделяется два подхода к рассмотрению ЯКМ: «объективистский» и «субъективистский» [17; 97-98]. В соответствии с первым, при образовании картины мира «язык не выступает демиургом этой картины, а является лишь формой выражения понятийного (мыслительно-абстрактного) содержания, которое человек добыл в процессе своей деятельности (теории и практики)» Собственно термин ЯКМ в «объективистском» понимании отличается явной условностью: «картины мира не создаются языком»; «более точной номинацией была не языковая картина мира, а речемыслительная, то есть концептуальная» [19; 57].

В контексте второго подхода («субъективистского») ЯКМ предстает в качестве отраженного в языке так называемого вторичного мира, являющегося в человеческом сознании своеобразным показателем преломления

объективного мира. ЯКМ, в которой находят симультанное отражение и закрепление и знания о мире, и заблуждения, и ощущения, и фантазии, и оценки, и мечты о мире, создается обыденным языком. Такое понимание сущности не требует от ЯКМ объективности [17; 98-99].

Так, ЯКМ обнаруживается как некая «диада», то есть в полноценном и равноправном взаимодействии оказываются и та часть концептуальной картины мира, нашедшая реализацию в устной речи, и ее глубинный пласт и вершина. В каждый момент своего исторического развития ЯКМ отводится функция регистрации, систематизации и описи или инвентаризации всего, что входит в корпус языка. Семантически обозначенная в языке и представляемая как своеобразное толкование объективной реальности языковая картина мира также может быть интерпретирована как комплекс наивных обывательских образов. Это позволяет сформулировать гипотезу о том, что «исследователи ЯКМ могут столкнуться с «открытиями двух типов». В рамках первого типа, любой фрагмент языковой картины мира может быть идентичен самым заурядным представлениям о действительности. Второй тип подразумевает, что фрагмент ЯКМ будет обладать отличными от научных представлений характеристиками, которые сегодня, в силу различных причин, позиционируются как эталон».

Некоторые ученые не относят ЯКМ к реально существующим категориям и считают ее отвлеченным понятием, безусловной абстракцией. Эксперты области полагают, что реальное существование и, как следствие, перспектива быть исследованными - это прерогатива только ЯКМ конкретных национальных языков, то есть исключительное право национальных языковых картин мира (НЯКМ). Однако не следует понимать и воспринимать НЯКМ как национальный вариант некой единой ЯКМ. Эта позиция не имеет под собой научно апробированной аргументации, ведь ЯКМ может "благополучно" существовать и функционировать без привязки к какому-либо языку [18; 113].

Во втором разделе «Концепт – понятие» отмечается, что в некоторых трудах современных лингвистов отождествление терминов *концепт* и *понятие*, вероятно, обусловлено тем, что термин *концепт* до 80-х гг. XX в. передавался при переводе работ зарубежных языковедов лексемой *понятие*. Дифференцировать эти два понятия возможно лишь в процессе сопоставительного анализа. «Концепт и понятие - термины разных наук. Первое, концепт, является термином в одной отрасли логики - в математической логике, а в последнее время закрепилось также в культурологии. Второе же употребляется главным образом в логике и философии.

Так, В. И. Шаховский, например, констатирует синонимичность терминов *концепт* и *понятие*, выделяя, однако, из этого тандема именно концепт, поскольку подразумевает под последним такие явления, как символы, гештальты (ценностные и неделимые физические, физиологические и социальные феномены), фреймы, обряды, ритуалы и пр.

Отдельные исследователи, строго разграничивая эти два термина, идентифицируют концепт как «дискретную единицу коллективного сознания,

отражающую предмет идеального или реального мира и хранящегося в виде познанного вербально обозначенного субстрата в национальной памяти носителей языка»[4; 95].

Однако подавляющее большинство ученых (З.Д. Попова, В. Н. Телия, В. В. Колесов, В. И. Карасик, И. А. Стернин, В. В. Красных и др.) все же определяют корреляцию понятия и концепта как отношение частного к общему. Практический опыт фиксирует, обобщает и структурирует сведения о реально существующих свойствах предмета как объекта обозначения с помощью знаков, то есть денотата. Предметы, явления, процессы реального мира находят свое отражение посредством *понятия*. «Концепт же, в свою очередь, не может быть признанным аналогом понятия ввиду наличия (отсутствия) некоторых существенных, отвечающих требованиям истинности признаков, и лишенных за счет их абстрагированности всех эмоционально-оценочных нюансов» [15; 13].

Концепт не ограничивается, а зиждется на понятии. Именно оно (понятие) наряду с метафорическими, переносными значениями стало предпосылкой, причиной, условием формирования концепта. Культурно-исторические, религиозные, личностные знания, опыт и ассоциации оставляют своеобразный отпечаток лишь на практических знаниях.

В третьем параграфе работы, посвященном исследованию лексического значения слова, отмечается единство мнений ученых касательно вопроса о соотношении второй оппозиции - «концепт - значение слова»: «концепты - явление мыслительное, основная форма осуществления понятийного мышления; значение - феномен языковой. Формируясь на основе соответствующих концептов, имеющих универсальную природу, языковые значения конституируют десигнантную часть словесных знаков» [27;102].

Противопоставление «концепт - значение слова» Ю. С. Степанов видит несколько в ином ракурсе. По его мнению, «термином *концепт* называют только содержание понятия, что делает термин *концепт* синонимом термина *смысл*. А термин *объем понятия* становится синонимичным термину *значение*». Следовательно, сфера их функционирования (ментальной или языковой) никоим образом не является основным различием этих терминов, в то время как именно содержание может считаться ключевым дифференцирующим фактором. Такой подход представляет более абстрактную и «культурно-расширенную» природу концепта, нежели значения.

Выявленные противопоставления могут быть выстроены в виде своеобразной цепочки, или в иерархической триаде «значение - понятие - концепт»: представленное в толковых словарях лексическое значение (ЛЗ) слова способно объективно отразить лишь некоторые, не принципиально важные, но наиболее интенсивные для обыденного сознания признаки объекта. Наряду с значимыми для наивной картины мира особенностями в понятии присутствует вся известная человечеству информация о денотате, при этом данные сведения отличаются четкой логической структурой. Вокруг этого понятийного ядра концепта, как правило, присутствуют несколько эмоциональных, ассоциативный, информативных слоев, различающихся

национально-культурными и личностными признаками. Такая многослойность призвана трансформировать концепт в более полную, упорядоченную мыслительную структуру.

В контексте **четвертого параграфа «Лингвокогнитивный подход к пониманию концепта»** изучаются особенности заявленного подхода, где концепт выступает как «комплексная мыслительная единица, которая в процессе интеллектуальной активности демонстрирует и актуализирует свои многообразные отличительные свойства и многочисленные пласты» [23;12]. Подчеркивается, что для данного подхода характерно присутствие ряда направлений:

- *Логическое*. Здесь наблюдается абсолютная синонимичность терминов *понятие* и *концепт*.

- *Собственно когнитивное*. В русле этого направления концепт изучается как «единица оперативного сознания» или инструмент познавательной деятельности человека.

- *Психологическое*. В контексте этого направления концепт исследуется в аспекте его бытия в сознании человека.

- *Психолингвистическое*. Концепт рассматривается в ракурсе соответствия языковой деятельности человека и его сознания.

Отдельным пунктом рассматривается теория художественного концепта, чьи исходные положения в контексте психолингвистического анализа были сформулированы С. А. Аскольдовым.

В пятом разделе работы **«Концепт как основная единица лингвокультурологии»** определяется, что факты наличия разнородных, неоднозначных, пересекающихся подходов к толкованию термина *концепт* стали основой для проведения лингвистических изысканий по вопросам поиска других терминов и попыткам сконструировать другие единицы, находящиеся на границе языка и культуры.

Е. С. Бунеева, в частности, предлагает провести четкую своеобразную дифференциацию, согласно которой будет существовать *концепт* как объект психологии и логики и *концептуал* как компонент культурологии и лингвистики [7;22].

В трудах по лингвострановедению встречается термин *логоэпистема* (введенный в научный оборот в конце прошлого столетия), под которым следует понимать языковое выражение, закрепленное культурно- исторической памятью в сознании носителей. В. В. Воробьев внедрил термин *лингвокультурема* - «комплексная межуровневая единица, представляющая собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания» [11;44].

Уникальная специфика термина *концепт* объясняет его беспрецедентную "жизнеспособность". По мнению Г.Г. Слышкина, отражение взаимосвязи языка и культуры входит в «функциональные обязанности» всех лингвокультурологических конструктов. «Человеческое сознание играет роль посредника между культурой и языком. Концепт - единица, призванная связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, так как он

принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке» [24;9].

Аксиологический характер концепта считается его еще одной специфической чертой. Концепт отличается от других ментальных единиц именно за счет наличия ценностных оперирующих современной наукой составляющих - понятийная категория, сценарий, фрейм и т.п. Эта гипотеза находит свое подтверждение и в словах Ю. С. Степанова: «Концепты, в отличие от понятий в собственном смысле слова, не только мыслятся, они еще и переживаются. Так, предметом симпатий и антипатий, эмоций, а иногда и столкновений является именно концепт».

Объектом исследования **шестого параграфа «Языковое сознание»** стал процесс культурно - языкового взаимодействия, который дает основания полагать, что лингвокультурология, в силу ряда веских причин, носит интегральный, цельный характер:

- а) базируется на сопоставлении разных языков и культур;
- б) образует систему философско-культурологических и лингвистических традиций;
- в) сконцентрирована на комплексном описании языка и культуры [11; 298].

Язык, симультанно будучи «связующим звеном жизни общественно-культурной и жизни психической», а также «орудием их взаимодействия» в определенной степени способствовал стремительному развитию лингвокультурологии как науки, поскольку ее основу составляет триада - «человеческая личность, язык, культура» [6;45], или в более узком ракурсе — «язык, сознание, культура» [24;9]. Культурно-национальную ментальность этноса может быть репрезентирована посредством языка, а это, в свою очередь, демонстрирует возможности его использования и функционирования как инструмента или механизма сознания. Данный аргумент, безусловно, позволяет в полной мере рассматривать категорию национального языкового сознания (ЯС) в качестве способа этноспецифической интерпретации мира, характерного для определенного лингвокультурного сообщества

Знаковые вехи развития культур разных народов идентичны по своей природе, и каждый из этих этапов оставляет свой неповторимый след и находит отражение в языке. Однако развитие каждой этнической группы отличается уникальностью, и эти культурные различия обусловлены самыми разнообразными факторами, начиная от географических, заканчивая религиозными. И именно язык фиксирует эту реальность со всеми ее характерными особенностями.

«Эквивалентные» концепты ярче, чем безэквивалентные, отражают национальную специфику языка и культуры. Это происходит ввиду наличия общей базы, в рамках которой выявляются специфические черты мировидения народа.

В рамках **седьмого раздела «Языковая личность»** автор диссертации отмечает, что возникновение понятие ЯЛ обусловила абстрагированность психологических, философских и социологических взглядов на «общественно значимую, качественную совокупность физических и духовных свойств человека» [10;65]. Языковая личность, как правило, вызывает четкие ассоциации со способным к восприятию и воспроизводству речи носителем языка, для которого совокупность особенностей вербального поведения является характерным признаком.

Ученые в структуре ЯЛ выделяют три базовых уровня:

- когнитивный, включающий концепты, идеи, понятие;

- вербально-семантический, подразумевающий владение естественным языком;

-прагматический, состоящий из мотива, цели, интересов, установок и интенциональности [16; 38].

В речевом поведении свою естественную репрезентацию находит языковое сознание личности, а от выбранной поведенческой роли зависит насыщенность составляющих структуру ЯЛ уровней. Эта трехуровневая модель формирует обобщённый тип, отражающий в определенной культуре множество конкретных языковых личностей.

Каждой языковой личности свойственен свой уникальный способ постижения мира. Однако при всей неповторимости человеческого сознания не исключается наличие в нем общих присущих различным социальным, профессиональным или этническим сообществам инвариантных структур категоризации. ЯЛ функционирует в отражённой в языке культуре; в поведенческих стереотипах и стандартах; в формах общественного разноуровневого (бытовом, научном и др.) сознания и т.д. И языковой коллектив, и индивидуум, будучи носителями культуры в языке, формируют разноплановое понимание ЯЛ. Такое комплексное, многосложное толкование делает ЯЛ и ЯС базовыми лингвокультурологическими категориями и создает площадку для исследований этих концептов.

В основу **второй главы «Анализ концепта «свадьба» в таджикском и шугнано-рушанской группе языков»**, которая состоит из четырех параграфов, легла гипотеза о том, что неотъемлемым, семантически важным компонентом национального менталитета является система ценностей, и каждый ее элемент вносит в этническую ментальность свою неповторимую лепту, которая несет важную культурно-историческую информацию.

Ракурс внимания **первого раздела «Анализ словарных дефиниций ключевого слова номинативного поля концепта по данным лексикографических источников»** сосредоточен на сопоставительном анализе семантических множителей в контексте лексикографического анализа значимостной составляющей концепта «Свадьба» через описание внутрипарадигматической «равнозначности» и «разнозначности» семантических дублетов лексемы «Тӯй»/«sur». В число специфических характеристик были включены прагмастилистические свойства лексико-грамматических единиц и их словообразовательная продуктивность, а также

соотношение частеречных реализаций имени концепта. Изначально, в соответствии с логикой исследования, целесообразным посчитали рассмотреть семантику ключевого слова и синонимов номинативного поля «Свадьба» на материале лексикографических источников. Анализ идеографических, толковых, семантических, синонимических, этимологических словарей демонстрирует широкую степень вариативности в представлении ключевого слова номинативного поля концепта «Свадьба».

Так, например, с этимологической точки зрения, лексема «*sur*» - свадьба восходит к общеиранскому слову [*sur*]: 1. «угощение, банкет»; 2. «пир, пиршество» [12;25], которое приобрело форму «*sur*» в ваханском, шугнанском, рушанском, бартангском и «*tui*» в ишкашимском языках.

«*Niko*»-венчание, образовано от арабского глагола [nakaha]—1. «вступать в брак, жениться, выходить замуж»; 2. «совокупляться», отсюда отглагольное имя [nikah] «1.брак; 2.совокупление» [5;27].

По Эхметьянову, этимологию слова *туй* (свадьба) составляет древнетюркское слово *той* «пир, устроенный ханом». Аналогичная трактовка лексемы дается и в «Древнетюркском словаре» [21;572]: *ТОЈ* пир, пиршество.

В «Толковом словаре таджикского языка» указываются два значения лексем *туй*: 1. Чашн, ид - пиршество по случаю вступления в брак, свадебный обряд, 2. праздник, посвященный какому-либо счастливому или торжественному событию.

Целью второго параграфа «Ценностная составляющая концепта «Свадьба» в языковом сознании носителей памирских языков» является когнитивный анализ лексики свадебных обрядов народов, проживающих на территории Памира. «Свадьба считается универсальным общечеловеческим ритуалом, объединяющим группу людей для совместного социального действия» [3;252]. Как отмечает Давлатмирова М.Б. в своей работе «Этнолингвистический анализ лексики свадебных обрядов в шугнано-рушанской группе языков в контексте концепта «Судьба»»[13;27], в исмаилитском вероучении только Имам Времени (Hazir Imam) обладает правом внесения коррективов, изменений в религиозные обряды, о чем свидетельствует *фарман* Его Высочества. В качестве примера можно привести «изменение текста венчания» с 2009 г в исмаилитском обществе. Носители памирских языков являются наследниками богатой культуры, уходящей корнями в глубокую древность.

В Горном Бадахшане предсвадебная стадия включала цикл обрядов, таких как ш. «*duzdakpursi*», р. «*guftugu*», «*tilaptow*» или «*pawstov-muslat*» - тайно испрашиваемое предварительное сватовство, «*xostgori*»— сватовство, *xexicid* (*xextilabt*) –помолвка, «*niko*» - венчание, «*šhui-salom*»-поздравление жениха, когда договаривались о дне свадьбы, «*jomaburon*» - обряд раскрытия одежды для молодых, и. «*kuñm*», «*xexičhid*» - помолвка, день преподношения свадебных подарков невесте от семьи будущего мужа; в ряде районов, например, в Шугнани устраивался праздник «*xuxsur*» - на котором решались организационные вопросы по поводу свадьбы и венчания, «*sartarošon*» - бритье головы жениха, «*saršuyon*» - обряд омовения невесты.

Во время поездки в Горный Бадахшан с целью сбора материала по теме, нами были найдены интересные сведения по этнографии Шугнана, в том числе и в личном архивном фонде А.А. Зарубина, в частности о пошиве костюма для жениха. Детальное описание, комментарии и анализ всех этих материалов представлены в тексте диссертационного исследования.

В третьем параграфе «Тексты обряда заключения брака *nikoh* у носителей таджикского и шугнано-рушанской группы языков» проводится этнолингвистический анализ обрядовых текстов народов Горного Бадахшана

Как известно, у всех мусульманских народов одной из важных сакральных церемоний свадебного обряда является обряд заключения брака – «*nikoh*». Наряду с официальной регистрацией брака в ЗАГСе, *nikoh* - венчание является обязательным обрядом, для этой цели приглашают *Haltfa*. Данная традиция распространена как в долинах Горного Бадахшана, так и в других районах Таджикистана.

В данном разделе, на базе краткого исторического экскурса, был проведен сопоставительный анализ процесса заключения брака – «*nikoh*» у носителей таджикского языка и у жителей Горного Бадахшана. Информантом выступил халифа Сангмамад, который был проинтервьюирован нами в 2016 году. По утверждению учёных и религиозных деятелей Горного Бадахшана, до 2009 года использовались 3 разных текста церемонии заключения брака. В долине Вахан Ишкашимского района, население которого является носителем ваханского языка, и этот текст церемонии обручения назывался – «*togro*», что означает *вензель, декрет*. Другой текст под названием «*debocha*», означает *введение, начало*, был распространён в долине Горон Ишкашимского района, жители которого говорят на таджикском языке. Третий текст - «*shamsy*» (*солнечный*) был распространён в Шугнанской и Рушанской долинах. Процесс проведения обряда бракосочетания был одинаков во всех селениях, различие состояло в количестве употребления четверостиший.

Описание и анализ некоторых песен, исполняющихся во время свадебных ритуалов, составили содержание четвертого раздела настоящей главы «**Особенности обрядовых текстов в таджикском и шугнано-рушанской группе памирских языков**». Отличительной характеристикой памирских свадеб является богатое, яркое музыкальное сопровождение, причем не только собственно на свадебном торжестве, но и на всех относящихся к событию мероприятиях. Свадебный «*bazm*» - *nur*, празднество с участием певцов, танцоров, соответственно, один из самых насыщенных в плане музыкально-танцевального оформления. На торжестве поют не только приглашенные профессиональные певцы, но и гости. После выступления исполнителей фольклорных жанров халифа напоминает о необходимости начинать обряд бритья головы – «*Sartaroşon*». Как объясняют эксперты, в Бадахшане не было профессиональных цирюльников, и поэтому мужчины стригли волосы друг другу сами [2;528]. Однако сегодня приглашается профессиональный парикмахер, и весь процесс сопровождается специальной песней «*Sartaroşon*» - не на диалекте, а на таджикском литературном языке. Песнопение

«*Sartarošon*» исполняется в свободном стиле, и его контент зависит от уровня образованности и смекалки певца.

В Дарвазе, Каратегине, Кулябе, Гисаре и Варзобе исполнение обрядовой песни «*Устои ланги сартарош*» - «*Цирюльник вы наш прихрамывающий*» подразумевает преподнесение цирюльнику различных подарков. Перед женихом расстилают платок для сбора денег и других подношений, а друзья жениха начинают песнопение.

Песня «*Sartarošon*» («*Бритьё головы жениха*»), распространена и в Бадахшане. Её текст не подвергался изменению, и эта особенность сохраняется в разных вариантах её исполнения. Р. Амонов уверен, что «первая часть этой песни, имея устойчивый текст, излагает определённую цель. Продолжение песни образовалось из двустишия и четверостишия разных народов, менялся в них лишь только припев» [1;35]. При этом припев не подвергался никаким изменениям, менялась лишь часть двустишия или четверостишия.

Облачение жениха в свадебный наряд также происходит под песню «*Дасту ману доманат*» - «*Моя рука, твоя пола*», в содержание которой упоминаются все предметы его праздничного наряда.

В свадебных песнях ярко выражается отношение народа к жениху и невесте. Среди свадебных песен Горного Бадахшана мы не встретили такой, где бы нашли отражение чувства печали, тревоги, жалобы на судьбу девушки, в то время как такого рода песни популярны среди таджиков из других местностей.

Контент-анализ материала целого ряда лексикографических источников показал, что центральной лексической единице исследуемого концепта свойственна многосемность, однако все ее значения связаны общим компонентом - «свадьба». Семантический анализ позволил выявить синонимический ряд. Значение каждого синонима в определенной степени уточняет, дополняет, расширяет семантическую структуру концепта «Свадьба». Рассмотрение линейки синонимов, образующих ядро номинативного поля концепта, позволило получить о когнитивных признаках концепта более полное представление.

В третьей главе "Ассоциативное поле концепта «свадьба» в таджикском и шугнано-рушанской группе памирских языков" анализируются результаты ассоциативного эксперимента, проведенного среди носителей таджикского языка и шугнано-рушанской языков. Наряду с этим на материале анкетирования исследуются фразеологические единицы с компонентом "Туй/Сур" в шугнано-рушанской группе языков и фразеологизмов, стихотворений, репрезентирующих концепт "Свадьба" в таджикском языке.

Следует отметить, что ассоциативный эксперимент, действительно, занимает особую, приоритетную нишу среди всех лингвистических экспериментов. Исследователями он определяется как «прием, направленный на выявление сложившихся у индивида в его предшествующем опыте ассоциаций» [12; 111]. Интерес к этому виду эксперимента обусловлен тем, что его результаты «отражают не только стоящие за языковыми значениями универсальные когнитивные структуры, но и индивидуальные особенности

испытуемых, ...позволяя при этом получить данные о ментальности и специфике этнического сознания»[20;91].

В диссертации представлено генерализированное описание ассоциативного эксперимента, то есть рабочая дефиниция, цели, технология и условия проведения, типы анализа ассоциативных полей, типы экспериментов и критерии по их выбору, фасилитаторские особенности и др. Помимо этого определяется как условия и форма организации эксперимента, социальные и психофизиологические особенности экспериментатора и респондентов могут сыграть решающую роль в вопросе подлинности и объективности ассоциативных данных и сформулированных на их базе научных выводов.

Свадебный обряд, благодаря которому по сей день сохраняется этический стереотип поведения, культурные и национальные отличительные особенности, является важнейшей частью жизни любого этноса. Среди всех вариаций обрядовых действий, которые сопровождают главные этапы жизни людей, именно свадьбе отводится одно из важнейших мест. Приоритетность этого обряда очевидна, ведь в свадебных традициях находят отражение фундаментальные компоненты жизнедеятельности индивида - структура семьи, религиозная приверженность, нравственные устои общества, общественные, правовые отношения, фольклор, признаки традиционной материальной культуры.

Предметом ассоциативного эксперимента стало исследование когнитивных признаков концепта «Свадьба» именно в синхронном срезе.

Как мировое, так и отечественное экспертное сообщество выражают уверенность в том, что «синхронное исследование репрезентации концепта в лексико-семантических системах языка, дополненное, по возможности, анализом результатов ассоциативных экспериментов и изучением дискурсивного функционирования являющихся лексическими репрезентациями концепта слов, - это производственная необходимость в контексте описания концепта в его синхронном состоянии» [12;23]. Такой анализ позволит определить, что вносят носители языка в понятие и как это влияет на его сущность, природу, содержание. Помимо этого, это станет своеобразным толчком в решении проблемы раскрытия существующих в концептуальной системе носителей языка связей, т.е. смежность анализируемого концепта с другими понятиями, объектами культуры. Наибольшее количество основополагающих выводов, способных помочь детерминировать центральный и периферийные когнитивные признаки концепта, будут определены посредством материала ассоциативных экспериментов.

Так, в параграфе 3.1. "**Результаты ассоциативного эксперимента среди носителей шугнано-рушанской группы языков**" описывается процедура проведения эксперимента, в котором участвовали 100 информантов. Важно отметить пропорциональное гендерное и возрастное соотношение группы испытуемых. Ассоциативный эксперимент проводился путём анкетирования, целью которого было получение общих сведений о респондентах: возраст, пол, место жительства и родной язык. Это позволило сформировать социальный портрет практически каждого участника

эксперимента. Затем информантам предлагалось дать любые словесные реакции (слово, словосочетание, предложение) на слово-стимул «Свадьба». Респондентов не ограничивали в количестве ответов. В отдельных случаях опрашиваемые давали более 10 реакций на слово-стимул, что свидетельствует о нахождении ассоциативного поля «Свадьба» в активной зоне сознания. Было получено 3395 ассоциативных реакций на слово-стимул «Свадьба». При обработке ответов принимались во внимание и единичные ассоциаты.

В ходе эксперимента была предпринята попытка обнаружить некоторые гендерные признаки концепта «Свадьба». Таким образом, были сопоставлены ассоциативные реакции, встретившиеся не менее 3 раз в ответах как мужчин, так и женщин:

Как показал анализ результатов, связанные со свадьбой ассоциаты в сознании мужчин и женщин чаще всего совпадают: *podňo*, *nivenč*, *kalžined*, *tilabtow*, *niko*, *fotiha* и т.д. Только мужские и только женские ответы встречаются часто. Так, для женщин характерна предсвадебная подготовка *hihčpeht* (приготовление жирной сладкой халвы) - 32, *kulčapeht* (приготовление хлебцев) - 38, *sirixta* (платок с украшениями от матери жениха для невесты) - 29, материальная оценка свадебного торжества *rubinak* (подарок за то, чтобы увидеть лицо невесты) - 29, *hivinch/gabrana* – (10-12 шт. маленьких сдобных лепёшек – «*kulcha*») - 34, *gilim* (нарядный халат) - 28, *qatma* (шерстяная материя) – 18, *čixavdi* – (подарки за то, чтобы невеста слезла с коня) - 21, *čidedi* (за переход через порог дома) - 4, *činisti* (подарок за то, что она поднимается на нары и садится на приготовленное для неё место «*taht*» - трон) - 5. Только для мужчин характерны следующие реакции: *aspakbozi* (танец лошадки) - 12, *pirakbozi* (танец старика) - 19, *gujtizd* (козлодранье) - 20. Необходимо подчеркнуть, что женские реакции более разнообразны, чем мужские.

Вербальные реакции (ассоциаты), полученные в ходе эксперимента, были распределены по семантическим группам: предсвадебные брачные обряды; участники свадьбы и с родственные отношения; элементы свадебного наряда невесты; брачные обряды, пиршество, застолье; свадебная церемония; послесвадебный брачный обряд; положительные чувства, эмоции, оценки; подготовка к свадьбе; отрицательные чувства, эмоции, оценки; ожидание новой жизни.

Проанализировав полученные данные, были установлены самая многочисленная и малочисленная семантические группы: 1. ассоциаты, связанные с предсвадебным брачным обрядом; 2. ассоциаты, связанные с участниками свадьбы и с родственными отношениями; 3. ассоциаты, связанные с элементами свадебного наряда невесты.

В ходе анализа данных эксперимента была выявлена структура концепта «Свадьба». Так, к ядру относятся ассоциаты, связанные с предсвадебными обрядами (740). В базовый слой включены ассоциаты, связанные с участниками свадьбы и с родственными отношениями (575); элементами свадебного наряда невесты (532); брачными обрядами (337); пиршеством, застольем (321); свадебной церемонией (301); послесвадебным брачным обрядом (274). Ближняя периферия обозначена ассоциатами, коррелирующими

с отрицательными чувствами, эмоциями, оценкой (237) и с подготовкой к свадьбе (94). Дальняя периферия характеризуется наличием ассоциатов с отрицательными чувствами, эмоциями, оценкой (51) и с ожиданием новой жизни (50).

Ассоциативный эксперимент подтвердил многослойную структуру концепта «Свадьба» в шугнано-рушанской группе памирских языков.

Логика изложения материала **во втором разделе главы "Результаты ассоциативного эксперимента среди носителей таджикского языка"** аналогична предыдущему параграфу. В этом эксперименте также приняли участие 100 информантов (возрастная категория - 19-23 лет) в примерно пропорциональном гендерном соотношении. Площадкой для проведения эксперимента стал Таджикский национальный университет (ТНУ), все испытуемые являлись студентами филологического факультета. Изначально был составлен социальный портрет респондентов, посредством ряда общих вопросов: возраст, место жительства и родной язык. Затем предлагалось дать любые словесные реакции (слово, словосочетание, предложение) на слово-стимул СВАДЬБА. У респондентов была возможность представить неограниченное количество ответов. Так, некоторые опрошиваемые дали на слово-стимул более 14 реакций. Из этого следует, что ассоциативное поле СВАДЬБА находится в активной зоне сознания, как и в случае с представителями шугнано-рушанской группы языков.

В общем было получено 1365 ассоциативных реакций. При обработке ответов принимались во внимание и единичные ассоциаты, и гендерный фактор.

В сознании мужчин и женщин связанные со свадьбой ассоциаты, практически всегда совпадают: *домод, арӯс, оши наҳор, никоҳ, фотиҳа, хостгорӣ* и т.д. Чисто мужские и чисто женские ответы встречаются крайне редко. Необходимо отметить, что женские реакции отличаются от мужских определенной долей разнообразия.

Полученные в ходе эксперимента ассоциаты были распределены по семантическим группам. Эти группы по всем показателям совпадают с результатами носителей шугнано-рушанской группы языков, за исключением вербальных реакций, связанных с элементами свадебного наряда жениха и невесты и с благоприятным для проведения свадьбы временем года и популярными местами.

Анализ полученных данных подвиг нас на формулировку следующих выводов: Ассоциаты, относящиеся к предсвадебным брачным обрядам, являются самой плотной (многочисленной) семантической группой (488 ассоциат). Следовательно, в таджикском обыденном сознании концепт СВАДЬБА ассоциируется, в первую очередь, с непосредственными предсвадебными обрядами. Второй по плотности является семантическая группа ассоциатов, связанная с участниками свадьбы и с родственными отношениями. Третьей по числу ассоциатов стала семантическая группа, связанная с послесвадебным брачным обрядом.

Анализ данных эксперимента четко выявляет структуру концепта СВАДЬБА: к ядру относятся связанные с непосредственными предсвадебными обрядами ассоциаты (488); в базовый слой попадают ассоциаты, связанные с участниками свадьбы и с родственными отношениями (196), с послесвадебным брачным обрядом (156), с положительными чувствами, эмоциями, оценкой (121), с ожиданием новой жизни (101). К ближней периферии причислены ассоциаты, связанные со свадебной церемонией (82), и отрицательными чувствами, эмоциями, оценкой (77). В дальнюю периферию отправляются ассоциаты, связанные с элементами свадебного наряда жениха и невесты (72), пиршеством, застольем (51), природой и природными явлениями (21). Ассоциативный эксперимент подтвердил многослойную структуру концепта СВАДЬБА.

Целью раздела "**Анализ фразеологических единиц с компонентом «Туй/Сур» (на материале анкетирования) в шугнано-рушанской группе языков**" является описание результатов проведения ассоциативного эксперимента, организованного в городе Хороге, Ишкашимском районе и провинции Вахан и изучение ассоциаций, основных на слове-стимуле «Туй/Сур», а также обрядов, фразеологизмов и запретов, связанных со свадьбой.

Фразеологический фонд, отражающий веками накопленную мудрость народа, сгусток культуры и мнений, существующих в социуме, считается важнейшей составляющей когнитивной лингвистики. Именно во фразеологии в наибольшей степени находит свое фактическое отражение неповторимость образных систем национальных языковых картин мира, поскольку во все времена НКМ считалась «душой всякого национального языка, где дух своеобразия нации и выражается самым неповторимым образом» [8;76].

В этой связи целесообразным считаем рассмотреть некоторые фразеологизмы, пословицы и поговорки и поэтические изречения, в которых одним из базовых компонентов является концепт «Туй/Сур». Материалом для исследования послужили результаты анкетирования, проведенного в городе Хорог, Ишкашимском районе и провинции Вахан.

«Туй болои туй». В словаре М.Фазилова находим данный фразеологизм, где ему даётся следующая интерпретация – *хурсандӣ болои хурсандӣ – счастье за счастьем.*

Например, в художественной литературе также встречается данная фразеологическая единица:

Охир имруз туй болои туй. Ҳам чароғи электрӣ дармегираду ҳам ба ҷӯйбори нав об мебарояд – Сегодња же свадьба за свадьбой. И плита горит и по новым арыкам вода течёт. Р.Чалил, «Субхи сахро» («Шарқи озод»).

Сравним пример из произведения Садриддина Айни:

- *«Туй хазилаи Худост», ту сар кунӣ, Худо мерасонад, ҳеч парво накарда миёнатро сахт банд, азҳамин сол дер намонад... - не бойся расходов на свадьбу, не тревожься, завяжи потуже пояс, постарайся не оставлять это дело на следующий год.*

«*Yak duhtaru da dumod*» – в таджикском языке можно найти следующий эквивалент «*Як гулу сад харидор*» - что значит: женихов много, но достанется девушка одному.

Всего в рамках этого параграфа нами было проанализированы 30 фразеологических единиц, включая их русские эквиваленты, и несколько стихотворений - благопожеланий.

Следует понимать, что рамками свадебного ритуала обрядовая фразеология таджикского народа, естественно, не ограничивается и данный пласт лексики может стать предметом и объектом отдельного, специального, полноценного исследования. Однако в контексте данного раздела настоящей работы **"Анализ фразеологических единиц и стихотворений, репрезентирующих концепт «Свадьба» в таджикском языке (на материале анкетирования)"** центром анализа станут свадебные ритуалы, ярко характеризующих обычаи и традиции народа. Паремнологический фонд таджикского языка, то есть пословицы, поговорки, также стихотворения (*зарбулмасал, мақол ва шеърҳо*), связанные со свадебными обрядами, ярко выражают цель и семантику как единичного ритуала, так и совокупность обрядов, координирующих свадебную церемонию от начала до конца. Известно, что свадебные мероприятия в Таджикистане - процесс довольно длительный и сложно-компонентный, ввиду чего расширяется и лексико-семантическое и терминологическое оформление мероприятий. Эти языковые знаки культуры обладают национально-культурной спецификой и репрезентируют отношение таджиков к свадебной обрядности.

Исследование обрядовой терминологии с точки зрения семиотики подразумевает наличие в каждом обрядовом термине акцента на знаки, символику. Обряды часто включают информацию о внеязыковой действительности, наполненной символами и сакральными смыслами. Пословицы и поговорки в таджикском языке с компонентом «Свадьба» могут считаться ярким тому подтверждением.

Рассмотрим такие паремийные единицы, как фразеологизмы, пословицы и поговорки, а также поэтические изречения, в которых одним из базовых компонентов является концепт «Свадьба». Материалом для исследования послужили результаты анкетирования, проведенного среди студентов (100 человек) филологического факультета Таджикского национального университета. Эта группа уже знакома нам в рамках проведения исследования во втором параграфе настоящей главы.

Анализ информации, представленной респондентами, показал, что последние чаще использовали глагольные фразеологизмы, поскольку среди всех частеречных устоявшихся оборотов речи они обладают высокой степенью значимости. Основывающаяся на переносной семантике слов метафора призвана вызвать эмоциональный отклик у реципиента.

Эмоционально-экспрессивные глагольные фразеологизмы могут быть отнесены к таковым по следующим признакам:

1. **Наличие метафорического значения.** Метафорическая семантика является чуждой практически для всех компонентов фразеологизмов, за

исключением случаев присутствия аллегорического значения. Так, в таджикском языке по отдельности слова «*гаҳвора*» (люлька), «*келин*» (невестка), «*хушдоман*» (свекровь), «*осмон*» (небо), «*Ҷанг*» (ссора) не обладают метафорическим значением, но, объединившись, они составляют фразеологическое словосочетание с ярко выраженной метафорической семантикой: «*гаҳвораи келину хушдоман аз осмон Ҷанг карда омадааст*». Дословно: «люлька невестки и свекрови, ругаясь, спускаются с небес»; смысл *две хозяйки на одной кухне никогда не уживаются, две хозяйки на одной кухне и ножи по-разному держат и хлеб по-разному режут*, т.е. межличностные отношения свекрови и невесты предрешены небесами. Такие сравнения выполняют, безусловно, оправдательную функцию, имеется в виду, если что-то пойдёт не так, то это уже было предрешено.

Яркими примерами глагольных фразеологизмов со словом-доминантом «*ишкел*» - *оковы, кандалы – асос чор ишкели бутун* – что значит, самое главное, что здоровый ребёнок родился. Употребляют в том случае, когда новоиспечённый отец не рад рождению дочери.

2. Обладает пояснительными сочетаниями, по которым можно выявить разнообразные чувства. В таджикском языке чувство обиды может быть выражено как «*бар қаҳри зану шавҳар остонаи дар хандид*» буквально: «*над обидой мужа и жены рассмеялся порог дома*» (когда ссорятся те, кто на самом деле любят друг друга, их ссоры быстро кончаются примирением и поэтому не воспринимаются всерьёз), эквивалент в русском языке - «*милые бранятся, только тешутся*».

Дар гуфтам, девор бишнав, духтар гуфтам, сунор бишнав (28) – свекровь дочку бранит — невестке науку даёт; свекровь кошку бьёт, а невестке наветки даёт, (дар – то есть дверь – это дочка, а девор – то есть стена - это невестка).

Модар чи гуна, духтар намуна (22) – выбирай корову по рогам, а девку по родам! *какова мать, такова и дочь*, образ невестки в сознании людей отождествляется с её матерью.

Обряды и обрядовые фразеологизмы, уходя корнями вглубь веков и сохраняясь в сознании и языке народа, могут претерпевать лексическую и семантическую трансформации. Это объясняется различными новшествами, общественно-политическими и социальными событиями в социуме конкретного исторического периода, что оказывая влияние на все этапы человеческой жизни, предстаёт в виде новых лексических единиц, в том числе и фразеологических. Свадьба является одним из знаковых событий жизни человека, и все обряды, с нею связанные, а, соответственно, их лексическое сопровождение, имеют глубокий сакральный смысл.

Много стихотворных фраз, пословиц, поговорок и четверостиший посвящены различным моментам свадебных обрядов и читаются и поются именно в тот момент, когда происходит то или иное мероприятие: когда наряжают невесту/жениха; когда невеста покидает родной дом; когда первый

раз входит в дом мужа; когда впервые после свадьбы приходит в дом своих родителей и др.

Нравственный аспект таджикской свадьбы координирует все сопутствующие ее мероприятия, обряды. Например, специальным, очень трогательным обрядом ознаменованы проводы дочери-невесты из родительского дома. Перед отъездом девушку подводят к отцу (в случае его отсутствия эта роль отводится старшему брату или дяде) и он дает ей свое благословление. Как правило, благопожелание произносится с воздетыми к небесам руками, особо сложенными для произнесения традиционного заключительного слова "Омин" (Аминь). Дочь обнимает отца, кланяясь ему в ноги (в некоторых регионах Таджикистана обнимают обоих родителей), и позже родные произносят на свадьбе нижеследующие стихотворения:

Мутрибо ёр-ёр бихон аз хона хоҳар меравад, Пой павеъ сестра моя уходит из дома,

Фарқи ишқу сӯйи бахт бо ёри ҷонаш меравад. С любовью к любимому уходит она.

Омин бигӯед дустон, хушбахт шаванд ин ду ҷавон, Молитесь друзья о счастье влюблённых,

Хушбахтии дилдодагон, хурсандии мо дӯстон. Счастье влюблённых радость наша.

Обычно в строфах цветы, птицы, деревья выступают в качестве в своеобразной символики для обозначения неповторимости образа невесты: ее красоты, скромности, благоразумия и др.

Эти посвященные жениху и невесте куплеты, помимо описательной направленности, содержат своеобразные наказы, советы, рекомендации по организации быта, отношений друг с другом, с родственниками с обеих сторон и т.д.

Прием двучленного художественного параллелизма в обрядовых строфах нередко становится единственным способом передать эмоцию, сильные чувства и т.д. Академик А. Н. Веселовский настаивает на том, что, «психологический параллелизм - это сопоставление картин человеческой жизни и природы»[9;125].

Специфической характеристикой контента стихов-благопожеланий является его своеобразная отнесенность к заклинаниям. Последнее можно обозначить как лексемы или выражения, составляющие часть магического культа, представляют словесную формулу для подкрепления просьбы, достижения заветной цели. Из этого следует вывод, что поклонение Богу и/или духу-покровителю для человека - первоочередное явление, поскольку без их «одобрения» ни одно дело не дойдет до своего логического завершения.

В четверостишиях отражается полная эмоциональная гамма, имеющая положительную коннотацию. Их контент составляют описание новых, свадебных образов жениха и невесты:

*Гуларӯсак ба сараш чодари гул, На голове невесты венок из цветов,
Лабаконаш ба худо, соғари май. Губы алые как чаша вина,*

*Духтари меҳан зулфаш чилучор Локоны распущены у девицы красной,
Шаҳнисар гаишта баї ошиқи зор. И принц влюблён в неё без ума.*

Социально-бытовая тематика часто присутствует и в свадебных обрядовых строфах. Молодоженам желают прожить в этом браке всю жизнь, ценить свои отношения, не позволять быту стать причиной ссор и расставаний. В стихах используется нейтральная лексика, что придает стихам своеобразную разговорную интонацию. Этот прием позволяет передать теплоту чувств-переживаний.

Пласт свадебных стихотворений состоит как из обрядовых, так и необрядовых песен. Так, например, у некоторых народов есть древний обычай - стихотворное состязание или ответное стихотворение. Это рифмованные строфы собственного сочинения. Большой популярностью пользуются двустипхи. Они не содержат фабулы, развитого сюжета, но отражают все аспекты жизни человека и отличаются характерным разнообразием (от глубоко печальных до весёлых). Это стихотворное состязание называется *гулбазм*, что дословно переводится "праздник цветка", суть его заключалась в поочередном произнесении гостями строф – благопожеланий; очередь же определяет передаваемый из рук в руки цветок. Рассматривая исполняемые во время песенного состязания *гулбазм* строфы с позиции поэтической структуры, констатируем наличие такого обязательного компонента поэтического стиля, как рифма.

Основой многих стихов стала дескриптивность - описательность. Объектами описания могут стать как положительные, так и отрицательные качества человека. Сравнение как художественный прием активно используется в состязательных стихотворениях. Объектами сравнения становятся животный и растительный мир, природные явления, ювелирные изделия, цветообозначение.

Таким образом, можно констатировать, что приведенный материал – полученные в ходе анкетирования стихотворные реакции – достаточно ярко репрезентируют различные компоненты концепта «свадьба».

В **Заключении** подводятся и формулируются основные итоги исследования. Несколько заключительных положений было представлено по вопросу теоретических предпосылок изучения концепта. Анализ концепта "Свадьба" в таджикском и шугнано-рушанской группе языков также подвиг на формулировку некоторых выводов. Отдельные итоги были подведены в контексте изучения ассоциативного поля концепта "Свадьба " в таджикском и шугнано-рушанской группе памирских языков.

Основные положения диссертации и полученные результаты отражены в следующих публикациях автора:

- в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Рахмонова, Н.Б. О некоторых особенностях обрядовых текстов в памирских языках. Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский))

университет). – Душанбе: РТСУ, 2015. – №3 (50) (№ 532 в перечне реценз. изданий) с. 275-279 (0,5 п.л.)

2.Рахмонова, Н.Б. Тексты обряда заключения брака НИКОН у народов Горного Бадахшана. Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2016. – №2 (53) (№ 1936 в перечне ре-ценз. изданий) с. 237-242 (0,5 п.л.)

3.Рахмонова, Н.Б. Ассоциативное поле концепта «Свадьба». Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Сино, 2018. – №1 (№1924 в перечне реценз. изданий) с. 35-39 (0,5 п.л.)

4.Рахмонова, Н.Б. Анализ фразеологических единиц и стихотворений, репрезентирующих концепт «Свадьба». Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2019. – №1 (65) (№ 608 в перечне ре-ценз. изданий) с. 197-206 (0,7 п.л.)

- в других изданиях:

5.Рахмонова, Н.Б. Этнолингвистический анализ лексики свадебных обрядов в памирской лингвокультуре. Перспективы развития фундаментальных и прикладных лингвистических исследований в РТ. – Душанбе, Персис, 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://persis.tj> с. 81-84 (0,25 п.л.)

Список использованной литературы:

1. Амонов Р. Очерки устного творчества Куляба. - Душанбе: Изд-во: АН Тадж. ССР, 1963. - 416с.
2. Андреев М.С. Таджики долины Хуф, вып. I. -Душанбе, 1953, стр. 120-177.
3. Аскольдов С.А. Концепт и слово// Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. -М.: Academia, 1997. С. 267-279.
4. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. - Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1996. 104 с.
5. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. - Москва, 1957.
6. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Под ред. Степанова Ю.С. -М.: Прогресс, 1974. 447 с.
7. Бунеева Е. С. Концептологическая модель признака старшинства // Языковая личность: Культурные концепты: Сб. науч. тр. Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. С. 33-41.
8. Буслаев Ф.И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные. - М., 1954. - 176 с.
9. Веселовский А.Н. Историческая поэтика.-Л., 1940. - 648с.
10. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // ФН. 2001. № 1.С. 64-72.
11. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы): Монография. -М.: Изд-во Рос. Ун-та дружбы народов, 1997. 331 с.
12. Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. М.; Харьков: Ра-Каравелла, 2001. 320 с.
13. Давлатмирова М.Б. Этнолингвистический анализ лексики свадебных

- обрядов в шугнано-рушанской группе языков в контексте концепта «Судьба», статья в журнале «Перспективы развития фундаментальных и прикладных лингвистических исследований в Республике Таджикистан», 2014 - 114с.
14. Додыхудоева Л.Р. Этнолингвистический словарь: «дом», «жильё», «хозяйство», // Малые языки и традиции: Существование на грани. Вып. 1. - М., 2005. - С.211-249.
  15. Залевская А. А. Психоллингвистические исследования: Слово. Текст: Избр. тр. -М.: Гнозис, 2005. 543 с.
  16. Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира: Сб. статей / Отв. ред. Н. В. Уфимцева.- М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 191-206.
  17. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. - М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
  18. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. - М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
  19. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. -М.: Наука, 1990. 108 с.
  20. Лукашевич Е. В. Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект: Моногр. -М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 234 с.
  21. Ожегов С. И., Шведова И. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук; Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Изд-е 4-е, допол. -М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
  22. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. - Воронеж: Истоки, 2001. 191 с.
  23. Попова З. Д., Стернин И. А. Проблема моделирования концептов в лингвокогнитивных исследованиях // Мир человека и мир языка: Коллект. моногр. -Кемерово: ИПК «Графика», 2003. С. 6-17.
  24. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Автореф. дис. докт. филол. наук. - Волгоград, 2004. 38 с.
  25. Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А Серебренников, Е. С.Кубрякова, В. И.Постовалова и др. - М.: Наука, 1988. С. 173-204.
  26. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Слово, 2000. 264 с.
  27. Худяков А. А. Концепт и значение // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. С. 97-103.

© Издательство РТСУ

Сдано в набор 15.07.2019. Подписано в печать 16.07.2019.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литературная.
Формат 60x84_{1/16}. Услов. печ. л. 1,6.
Тираж 100 экз. Заказ № 580.

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе,
ул. Мирзо Турсун-заде-30